

С. И. НИКОЛАЕВ

**КИРИЯК КОНДРАТОВИЧ —
ПЕРЕВОДЧИК ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ**

Середина XVIII века, 1740–1760-е гг., — один из самых неярких и невыразительных периодов в истории польско-русских литературных связей. В это время появилось мало новых переводов, а в литературной жизни не было сколь-либо заметного переводчика полонофильской ориентации. Изучение польской литературы сосредоточилось в русских духовных училищах,¹ а переводчиками произведений польских авторов в большинстве случаев оказывались выходцы с Украины, выученики Киево-Могилянской академии. Одним из самых усердных был Кирияк Андреевич Кондратович (1703–1788).² Его обращения к польской письменности (как по поручению, так и по собственному почину) довольно многочисленны. В 1735 г. в Екатеринбурге по поручению В. Н. Татищева он перевел с латыни объемистый труд «О начатии поляков и о делах от оных соделанных» польского историка XVI века Мартина Кромера,³ в 1739 г. перевел с польского языка лечебник,⁴ в Академии наук для герольдмейстерской конторы он делал переводы из польских гербовников.⁵ В сентябре 1747 г. Кондратович представил в канцелярию Академии наук переведенные им «на славенский язык Кнапиев дикционер также и Целляриев дикционер, некото-

¹ См.: Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1772–1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972.

² О его переводах с польского см.: Берков П. Н. Русско-польские связи в XVIII в. М., 1958. С. 24–25.

³ Б-ка СПб. Горного ин-та, Г 3173–3177, Г 3225; БАН, 32.7.1 — черновой автограф.

⁴ РНБ, собр. СПб. Дух. акад., № 412.

⁵ СПбФ АРАН, ф. 3, оп 1, № 294, л. 336–341; РНБ, ф. 452, № 570.

рую часть»⁶ По решению канцелярии «Кнапиев лексикон», т е известный латинско-польский словарь польского лексикографа XVII века Григория Кнапского, было определено «отдать к рукописным книгам в библиотеку» для сохранения⁷ К сожалению, судьба этой рукописи неизвестна Наконец, в 1775 г в типографии Академии наук был напечатан составленный Кондратовичем «Польский общий словарь» — первый печатный польско-русский словарь Польский словник Кондратович взял, сократив его, из польско-латинского тома Кнапского, русская часть — плод работы самого составителя⁸

Помимо разнообразных прозаических переводов и работ по лексикографии Кондратович писал и стихи, отдавая предпочтение эпиграмме Всего он якобы написал более 16 000 эпиграмм, но сохранилось гораздо менее Большая их часть (триста эпиграмм) собрана в изданной им в 1769 г книге в трех частях «Старик молодой» В предисловии, назвав среди своих образцов и любимых авторов Марциала и «Овена» (Д Оуэн, 1563²–1622), он отметил « из польских же эпиграмматистов мне показались Братковский и Сарбиевский, о протчих я не упоминаю, потому что у нас в России scribimus indocti doctique roemata passim Horat Как ученые, так и неученые почти все по природе стихотворцы, хотя не пииты»⁹

Творчество Даниеля Братковского (ум 1702) известно по его единственной книжке, изданной в 1697 г и включавшей эпиграммы с типичной обличительной сатирической тематикой (пьянство, продажность судей и т п) В сборнике Кондратовича две эпиграммы обозначены как переведенные из Братковского Первая даже сопровождается польским оригиналом

Из Братковского
Кулик

Frant jeden wodke w puzdzierku zamykał,
A со minuta odmykał у lуkał,

⁶ *Билярский П С* Материалы для биографии Ломоносова СПб, 1865 С 95

⁷ См *Макеева В Н* Русская лексикография 40–50-х годов XVIII в и Ломоносов // Ломоносов Сб статей и материалов М, Л, 1960 Т 4 С 193 См также *Пекарский П* История имп Академии наук в Петербурге СПб, 1873 Т 2 С 372

⁸ См *Обрембская-Яблонская А А* Об источниках польско-русского словаря Кирияка Кондратовича // ТОДРЛ М, Л, 1958 Т 14 С 597–604

⁹ *Кондратович К* Старик молодой СПб, 1769 Ч 1 С 3 Этот стих из «Посланий» (II, 1 117) Горация («Мы, и ученые и неученые походя сочиняем стихи») стал крылатой фразой

Sam galas czyni, wipito zpod klucza.
Klucz nie pomoze, gdy gemba dokuczca.

Перевод Братковского

Один проказник погребец частенько замыкал,
А всеминутно отворя, из сткляниц булькотал.
Кричит и верещит на всех: кто водку выпивает?
Ключ не пособит, ежели чья глотка докучает.¹⁰

Из сличения приведенного Кондратовичем польского текста с напечатанным в книге Братковского видно, что Кондратович не только опустил в конце еще одно двустиие и очень приблизительно передал заглавие «Puzderko z kluczem» («Погребец с ключем»), но и небрежно напечатал польскую эпиграмму. Ср. два стиха в изд. 1697 г.:

Flaszki frant ieden w puzderku zamykał,
.....
Halaz sam czyni, wypito zpod klucza.¹¹

Со второй эпиграммой, подписанной именем Братковского, дело обстоит сложнее.

Братковск<ий>

Совесьть

У Логина короткого дух долгий устремлен,
Чтоб делать всем добро, на то весь он рожден.
В нем добродетель есть внутри и совесьть не наружна,
Где сладко продают вино, там вывеска не нужна.¹²

Несмотря на указание Кондратовича, ничего похожего в сборнике Братковского не отыскивается. Это, правда, не единственный псевдоэпиграф или ошибка в «Старике молодом».¹³

Упомянутый Кондратовичем «Сарбиевский» — это знаменитый польский новолатинский поэт Мацей Казимеж Сарбевский (1595—1640), оды которого еще при жизни стяжали ему европейскую

¹⁰ Там же. Ч. 2. С. 5. Сохранена орфография подлинника. В рабочей тетради Кондратовича четверостишие записано без польского оригинала и ссылки на Братковского. Варианты: «почасту» вместо «частенько» в 1-м стихе; 2-й стих: «повсемиутно ж отворя, один сам куликал»; 4-й стих: «Ключ не пособит никому, чья глотка сучает» (РНБ, Ф.ХIV.17, л. 65 об.).

¹¹ *Bratkowski D. Świat po części przejrzany.* Kraków, 1697. К. Н v. В книге нет пагинации, отсылка дается на сигнатуру листа.

¹² *Кондратович К.* Старик молодой. Ч. 2. С. 24.

¹³ См. комментарии в кн.: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975. С. 640; Русская стихотворная эпиграфия. СПб., 1998. С. 482—483.

славу «сарматского Горация», а издавались они в общей сложности более 70 раз (титульный лист одного из самых авторитетных изданий, антверпенского 1632 г., выполнен по рисунку Рубенса) С 1680-х гг поэзия Сарбевского стала известна в Киево-Могилянской коллегии, где он сразу занял в курсах поэтики первенствующее место среди образцовых новолатинских авторов,¹⁴ не снизился интерес к нему и в русских духовных училищах XVIII века¹⁵ Обращение Кондратовича к эпиграммам Сарбевского вполне понятно С его именем в «Старике молодом» связаны три эпиграммы «Острастка Sarbiev», «Из Сарбиевского Католицкое покаяние», «Суетное любопытство Sarbiev»¹⁶ Но никаких источников или близких параллелей среди 265 эпиграмм Сарбевского отыскать не удалось,¹⁷ потуги Кондратовича на остроумие и сатиру не имеют ничего общего с духом эпиграмм Сарбевского

Еще одна прямая отсылка к польской литературе в «Старике молодом» сопровождает эпиграмму «На шутку отшутка» — «Из жартов [шуток] польских»

Ехал в Краков один да на лошади верхом,
Коя длинная была Встретился друтий, пешком,
И спросил «А по чему продаешь аршин коня?»
Тот вершник, поднявший хвост, рек «Не спрашивай меня
В лавку здесь ступай скоряй,— я ценою не забьюсь
И с тобою по совести о цене договорюсь»¹⁸

Источник эпиграммы — прозаический анекдот «Почем локоть этого коня?» из изданного в 1650 г под псевдонимом Мауриций Тугтипштицкий сборника фавесий и анекдотов «Co nowego abo Dwor»¹⁹ Польская сатирическая «совизжальская» литература

¹⁴ См *Źródło R Pisarzy kręgu Akademii Kijowsko-Mohylanskiej a literatura polska Kraków, 1966 S 36–37, 94–95*

¹⁵ См *Lewin P Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w (1722–1774) a tradycje polskie S 107–120, 139–147*

¹⁶ См *Кондратович К Старик молодой Ч 1 С 39, Ч 2 С 5–6, 11* Эпиграммы перепечатаны в ст *Николаев С И Произведения М К Сарбевского в России // Сов славяноведение 1986 № 2 С 103–104*

¹⁷ См *Sarbievius M C 1) Lyncogum libri IV Antverpiae, 1632, 2) Poemata omnia Starawies, 1911*

¹⁸ *Кондратович К Старик молодой Ч 3 С 16* Перепечатано без заглавия в кн *Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в С 89–90*

¹⁹ См *Dawna facecja polska (XVI–XVIII w) / Opr J Krzyzanowski i K Zukowska-Billip Warszawa, 1960 S 215* Оригинал указан П Левин, которая обнаружила эпиграмму Кондратовича (без его имени) в вологодской поэтике 1774 г и приписала перевод автору поэтики,— см *Lewin P Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w (1722–1774) a tradycje polskie S 155, 180*

(«Совизжал» — польская калька с немецкого «Уленшпигель») в России в первой половине XVIII века была известна достаточно хорошо,²⁰ знал ее и Кондратович — так, в его рабочей тетради сохранилась эпиграмма о главном персонаже этой литературы

Слава Совизралова есть навозна слава,
Пусть для шей сия ему будет впредь приправа²¹

В этой же тетради читается стихотворение «Графское смиренномудрие Из *Torba śmiechu*, т е Сума смеху»

Лежавший на одре болезни польский граф,
А инянем он был по дикости Евграф,
Призвал священника молебен отслужити
По требнику начал о здравии молити
«Помилуй, Господи, Евграфа Ты, раба»
Больной на ухо рек «Я граф, не раб, не знающ лба
Рабов имею я и у себя немало,
Вам в требнике писать нас, графов, не достало
Я ничиим рабом отроду не бывал!
Молись о графе ты, не о рабе», сказал
Священник рабских слов не мог переменить,
А граф подзатыльником велел его снабдить²²

Кондратович сам указал на польский источник «Из *Torba śmiechu*, т е Сума смеху» Это указание может подразумевать только анонимно изданную в XVII в книжечку «*Nowiny dziwne albo Torba wesolego śmiechu*»²³ В ней собраны различные шутки и выдумки в стихах и прозе, эпиграммы и забавные диалоги, но ничего и похожего нет на стихотворение Кондратовича²⁴

Вот еще один подобный пример

Aurea Libertas Złota wolność

У соловья хоть золота есть клетка, но с тоскою,
Как в тоне стерлядь, попугай так словленный с бедою

²⁰ См Николаев С И Старопольская проза в России в XVII—XVIII вв // Русская литература 1983 № 3 С 243—244

²¹ РНБ, F XIV 17, л 70 об

²² Там же, л 222 об

²³ См *Nowiny dziwne albo Torba wesolego śmiechu*, przez polskiego po cudzych krajach peregrynanta, na posieciech melancholicznych fantazyj ze czterech części świata czworaką materią roznych krajin językiem, na koniec ojczystym pisowana, i wyłożona [S l, s a] Издание очень редкое, пользуюсь экземпляром Библиотеки им Оссолинских во Вроцлаве (Польша)

²⁴ Кстати сказать, в рукописи Кондратовича «польский граф» исправлено из первоначального «умный граф»

На воле чиж, хоть в холоде, желает лучше жить,
Нежель в неволе, хоть в тепле, запертый в клетке быть.²⁵

Словосочетание «Złota wolność» — типично польское,²⁶ известны и польские эпиграммы, посвященные «золотой вольности»,²⁷ однако источника четверостишия Кондратовича найти не удалось. Возможно, это *polonicum* самого автора.

В «Старике молодом» большую часть стихотворений сопровождают отсылки к источникам, что обычно для плодов вдохновения воспитанников семинарской музыки. Несколько раз в рабочей тетради Кондратовича и один раз в «Старике молодом» встречаются ссылки (с указанием страницы) на «Radau». Имеется в виду Михаил Радау (ок. 1616–1687) — польский педагог и теоретик красноречия. Указания на страницы отсылают к его популярнейшему учебнику риторики «Начинающий оратор». Впервые учебник был издан в 1651 г. (под чужим именем) и до 1741 г. выдержал 25 изданий (издавался в Германии, Италии, Голландии, Чехии, Польше, Венгрии). В конце XVII века он стал известен в Киево-Могилянской коллегии. Знал его и М. В. Ломоносов: именно из этой книги он перевел стихотворение «На белых волосах у Аппия зима»²⁸ и отсюда же он взял выражение «И о Домитиане, кесаре, сказано, что он был неприятель мухам, а неприятелям муха».²⁹

²⁵ РНБ, F.XIV.17, л. 199 об. На л. 199 отдельная запись: «Что польска Пруссия была, то прусска Польша ныне стала», а после стихотворения приписка: «Где вольность золота была, теперь неволя есть чутунна»; не исключено, что стихотворение является откликом (Кондратовича?) на первый раздел Польши (1772).

²⁶ Ср. примеры употребления этого словосочетания в польской литературе XVII–XVIII вв.: *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*. Warszawa, 1972. Т. 3. С. 755.

²⁷ Правда, более осуждающие, чем прославляющие ее — см., например, эпиграмму польского поэта XVII века Вацлава Потоцкого «Złota wolność»: *Mała muza od Reja do Leca. Antologia epigramatyki polskiej / Wybór i opr. A. Siomkajto*. Warszawa, 1986. С. 171.

²⁸ См.: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 207–208. Ссылка Ломоносова на Марциала ошибочна. Источник обнаружила П. Левин — см.: *Lewin P.* Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie. S. 116–117.

²⁹ См.: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 218; *Николаев С. И.* Об эпиграмме К. Ф. Рылеева на австрийского императора // Пушкин и его современники. СПб., 1999. Вып. 1 (40). С. 219–221. Две цитаты из учебника Радау в риторике Ломоносова позволяют безусловно включить книгу польского теоретика в круг ломоносовских ис-

В «Старике молодом» к Радау отсылает стихотворение «Что есть верный друг?»:

Кто друга приобрел, сокровище сыскал, Ecclesiast. cap. 6.
 И половину в нем своей души признал, Horat.
 Нужные есть огня друг, и воды нужные, Plutarch.
 А между равными есть дружество крепчае. Curtius.
 Друг страж души. S. Greg. Душа ж там более живет,
 Где любит, нежели местечко где блюдет. Cato et Augustinus B.
 Друг есть душа, в двоих телах что обитает, Aristoteles apud
 Diogenem Laertium.
 Тот недруг есть, любовь который пресекает. Eurippides in Thoa.
 Лекарство есть любви, люби, чтоб был любим, Seneca.
 Природы есть закон любить, любим кто им. Nazianzenus.
 Без друга и родня великою тоскою, Casiodorus in Epist.
 Вся жизнь мучение и есть жизнь смертью злою. Id.
 Корабль без кормчего — без дружбы человек, Philip. Beroald.
 Без солнца и весь мир, и море без всех рек. Id,
 И рук и глаз лишен, кто друга не имеет, Petrarca.
 Кто любит не всегда, кто другом звать посмеет? Aristot. Libr.
 Rhetoricor. cap. 20.

Хоть ты меня любил, Карп, ныне ж перестал,
 Не дивно! Нынь зима! Ты из огня льдом стал!³⁰

Это стихотворение — редкий пример почти классического центона в русской поэзии. Центон характерен для позднеантичной латинской литературы, он составлялся из готовых стихов и полустиший известных старых авторов (чаще всего Гомера и Вергилия) и при этом был рассчитан на контраст прежнего и нового контекста (например, составленная из античных стихов поэма на

точников. В связи с этим возникает еще один вопрос. В книге Радау впервые были изложены идеи неизданных трактатов Сарбевского, в частности об остроумии («De acuto et arguto»). Таким образом они стали известны и Ломоносову, поэтому для сопоставления теоретических построений Сарбевского и Ломоносова (например, о «витиеватых речах») имеются не только типологические, но и генетические основания; см.: Lewin P. Teoria akuminu w estetycznej świadomości wschodniej Słowiańszczyzny XVII–XVIII wieku a traktat Sarbiewskiego // Literatura staropolska i jej związki europejskie. Wrocław, 1973. S. 309–324; Софронова Л. А. М. В. Ломоносов и М. К. Сарбевский: (К опыту сопоставления двух систем) // М. В. Ломоносов и русская культура: Тезисы докл. конф. Тарту, 1986. С. 7–11.

³⁰ Кондратович К. Старик молодой. Ч. 3. С. 10.

новозаветную тему). В новых литературах, в том числе и в русской, центон стал родом литературной игры.³¹

Кондратович, живший в мире понятий школьной поэтики, сам составил свой центон, лишь опираясь на Радау. Дело в том, что в указанном месте учебника польского автора никаких стихов нет, там лишь приведены сентенции античных и христианских авторов о дружбе, которые можно использовать для рассуждения по этому предмету.³² Расположив сентенции для создания связного текста по-своему, Кондратович перевел их с латыни стихами, причем довольно верно.³³ Точно так же он поступил и с небольшим рассказом Радау о польском короле Сигизмунде III: он просто передал его своими неказистыми стихами.³⁴

Кондратович оказался довольно своеобразным интерпретатором польской поэзии. Безусловно, он ее знал и читал, причем как поэзию признанных авторитетов (Сарбевский), так и популярную сатирическую литературу, но переводом в точном смысле слова можно назвать только четверостишие Братковского, которое оказалось первым переводом из польской поэзии, появившимся в русской печати. Остальные его стихотворные тексты с отсылками к польской письменности — псевдопереводы, в лучшем случае вариации на тему прочитанного.³⁵ Перевод прозаического иноязычного текста в русские стихи (а это обычный прием Кондратовича) издавна считался школьным упражнением для овладения стилем.³⁶ Кондратович так и не вышел в чтении за рамки школьного канона, а в своем творчестве — за рамки школьной поэтики, а потому и не смог сделать польскую поэзию фактом современной ему русской литературы.

³¹ Ср.: «роль „центонов“ как важной линии литературного творчества столь же симптоматична для раннего средневековья, сколь немыслима для нового времени» (Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 253). Тем не менее в школьной практике XVIII в. центон еще рассматривался в своем классическом виде, ср. стихотворение о воскресении Иисуса Христа, составленное из стихов «Энеиды» Вергилия, из поэтики 1714–1716 гг. виленской иезуитской школы: *Lewin P.* O centonie i rytmie — dwie ciekawostki z poetyki szkolnej pocz. XVIII w. // *Meander*. 1975. № 4. S. 187.

³² См.: *Radau M.* Orator extemporaneus seu oratoriae breviarum bipartitum. Amsterdam, 1684. P. 192–194. Сравнение ряда изданий XVII века с отсылками Кондратовича показывает, что он пользовался именно этим изданием.

³³ Ср.: «Amicus est anima in duobus corporibus una, Arist. Apud Dion. Laert.», «Cui amicus abest, manus ei dextra et oculus abest. Petrarch.» и др.

³⁴ См.: *Radau M.* Orator extemporaneus. P. 206; РНБ, F.XIV.17, л. 92.

³⁵ Одно двустишие на тему из польской истории озаглавлено им «Cromer et Strikowskij» (РНБ, Q.XIV.16, л. 14 об.).

³⁶ См.: *Феофан Прокопович.* Сочинения. М.; Л., 1961. С. 353–356.